

**...давным-давно,
кажется, в прошлую пятницу...**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНА
ЛИМБАХА

*Ян Томаш Гросс беседует
с Александрой Павлицкой*

Ян Томаш Гросс

**...давным-давно, кажется,
в прошлую пятницу...**

«Издательство Ивана Лимбаха»

2021

УДК 94 (438) "19" (092) = 161.1 = 03.162.1
ББК 63.3 (4Пол) 6-81-021:83.3

Гросс Я.

...давным-давно, кажется, в прошлую пятницу... / Я. Гросс —
«Издательство Ивана Лимбаха», 2021

ISBN 978-5-89059-411-2

Ян Т. Гросс (р. 1947) – историк, сыгравший огромную роль в начавшейся во второй половине 1980-х гг. и далеко не законченной болезненной общественной дискуссии, касающейся роли, которую поляки сыграли в уничтожении еврейского населения Польши во время Холокоста. Гросс первым обнаружил исторические факты о массовом уничтожении поляками евреев. После публикации в 2000 году его книги «Соседи» о событиях в Едвабне было начато расследование, и в 2002 году президент Польши Александр Квасьневский принес официальные извинения еврейскому народу. Публикуемая книга бесед – не только возвращение к болезненным темам, но и интереснейшая биография историка на фоне собственно истории: интервью-река освещает весь жизненный путь Гросса, неразрывно связанный с драматическими событиями в Польше второй половины XX века (молодежная оппозиция, 1968 год, эмиграция; занятия историей Холокоста, история написания книг, будоражащих общественное сознание).

УДК 94 (438) "19" (092) = 161.1 = 03.162.1

ББК 63.3 (4Пол) 6-81-021:83.3

ISBN 978-5-89059-411-2

© Гросс Я., 2021

© Издательство Ивана Лимбаха, 2021

Содержание

Глава I	6
«Ах, папа-папочка, еврей ты мой»	6
Глава II	19
«Историю, полную белых пятен, мы воспринимали в категориях детективно-криминальной загадки, которая требовала решения»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ян Томаш Гросс, Александра Павлицкая **...давным-давно, кажется,** **в прошлую пятницу...**

Jan Tomasz Gross w rozmowie z Aleksandra Pawlicka
...bardzo dawno temu, mniej więcej w zeszły piątek...

© J. T. Gross, A. Pawlicka, 2021

© И. Е. Адельгейм, перевод, 2021

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2021

© Издательство Ивана Лимбаха, 2021

* * *

Глава I

Родной дом

«Ах, папа-папочка, еврей ты мой»

Самая большая проблема с этой книгой – в том, что у меня плохая память на детали... Ну да ладно, слушаю.

У каждого человека есть воспоминание, с которого начинается его сознательная история. Какое твое первое воспоминание?

В моем случае оно малозначительно. Просто сохранившийся в памяти кадр. Мы жили в Варшаве, на улице Явожиньской, за театром «Вспулчесны». Там я родился. То есть родился я в больнице, но мой первый дом был там. Позже я узнал, что это одно из немногих мест в центре города, не пострадавших во время войны. В этом доме на Явожиньской была страшная влажность и бог весть что еще. В детстве я постоянно болел, вероятно, поэтому родители решили переехать в новые дома на улице Маршалковской, возле площади Люблинской унии. Смутно помню машину, которая нас перевозила, и ограду двора. Мои дальнейшие воспоминания связаны уже с Маршалковской.

О квартире на Маршалковской рассказывают все твои знакомые.

Да? И что они говорят?

Что они очень любили туда приходить и что душой этого дома была твоя мама.

Это правда. Она обладала огромным обаянием, блестящим интеллектом и была необычайно остроумна. Кроме того, мама любила моих друзей и относилась к ним – если можно так сказать, – словно те были взрослыми людьми: ей просто нравилось с нами разговаривать.

Думая о детстве, ты вспоминаешь маму?

Знаешь, я, в сущности, был очень привязан к обоим родителям. Детство мне запомнилось как время любви между ними – отец был безумно влюблен в маму – и между мной и ними. В моих воспоминаниях детство – это общение, дружба, сердечность. Я всегда, вне зависимости от возраста, чувствовал свое равноправие по отношению к родителям. Ощущал себя человеком, чье присутствие для них важно. Думаю, мои друзья, раз они говорят, что любили к нам приходить, испытывали то же самое.

Это был открытый шумный дом?

Безусловно. В то время люди не ходили в кафе – там было не слишком уютно и к тому же дорого. Если хотелось встретиться, шли друг к другу в гости. Я помню много таких вечеров в нашей квартире. В детстве я боялся темноты и отказывался засыпать один в комнате, поэтому ложился на родительскую тахту, а вокруг продолжалась светская жизнь.

Твой папа был музыкантом, он играл гостям?

О, это был очень культурный человек! Мое детство – это мир его звуков. Дома у нас стоял полуконцертный рояль из Союза композиторов. Я провел под ним массу времени. Отец сочинял или занимался, а я играл, сидя на полу. Рояль был очень важным предметом в квартире. Начнем с того, что он занимал половину комнаты. Помимо него, там стояли массивный стол, за которым работала мама – она переводила с французского, – и второй стол, поменьше, за которым ели и принимали гостей.

Ты пытался играть на рояле?

Конечно. Меня отдали в музыкальную школу, но, к сожалению, я принялся весьма изобретательно прогуливать. Через год-другой родители сочли, что продолжать это не имеет

смысла. Лишь потом, когда мои дети стали учиться музыке и мне пришлось следить за их занятиями, я очень пожалел, что не умею играть.

Вообще фортепиано было неотъемлемым элементом нашей жизни. Отец происходил из музыкальной семьи, все семеро детей – пятеро сыновей и две дочери – играли, и хотя в дедушкином доме было два рояля, приходилось дожидаться своей очереди. Отец был хорошим пианистом. Когда он заканчивал краковскую консерваторию, его выступление должно было завершать торжественный концерт выпускников. К сожалению, отец не сумел побороть волнение и просто не явился, тем не менее на следующий день одна из газет напечатала рецензию, автор которой восторгался выступлением последнего пианиста, Зигмунта Гросса. Оказалось, что расхваливавший его журналист тоже не пришел на концерт и все выдумал.

Тебе нравилось слушать, как отец играет?

Очень. Его игра сопровождала меня, сколько я себя помню. И была частью жизни семьи, в сущности, до самой смерти отца. Уже когда он жил с нами в Америке, мы купили рояль, чтобы доставить ему удовольствие, и он играл почти каждый вечер. Говорил, что для внуков – мол, пускай дети засыпают под хорошую музыку. Это было чудесно.

Отец был не только композитором, но и юристом.

А также преподавал историю обществознания и философии. Просто человек Возрождения.

Он был сыном адвоката. Его отец, мой дедушка, Адольф Гросс, держал в Кракове юридическую контору. Незадолго до Первой мировой войны дед был избран от краковской еврейской курии в Австро-Венгерский парламент – это называлось Государственный совет, Рейхсрат¹. Во время первого мандата дедушка не стал вступать в Польское коло² и остался, подобно своему другу Томашу Масарику, так называемым «диким» депутатом. Они вместе что-то организовывали.

Дедушка основал в Кракове Партию независимых евреев (насколько я понимаю, она была противопоставлена всем прочим еврейским партиям), стал одним из основателей первой в Галиции светской женской гимназии (краковская гимназия имени Эмилии Плятер) и даже издавал еженедельную газету на польском языке. Годовую подшивку этого издания, переплетенную и подаренную мне в Нью-Йорке дядей, я ухитрился потерять во время одного из бесчисленных переездов. Ужас!

Единственное, что осталось от этой газеты (она называлась «Еженедельник»), – выдержка из текста Масарики о «самом надежном средстве от антисемитизма»: «Не напивайся, не играй в карты, эконоь и будь прилежен в своей профессии, тогда тебе не придется публично возмущаться евреями, бить окна их домов, а потом заходить с черного хода и просить в долг».

Ты считаешь это удачным рецептом?

Мне кажется, он немного устарел, потому что антисемитизм процветает в Центральной Европе и в отсутствие евреев, то есть без необходимости просить у них в долг...

Возвращаясь к дедушке Адольфу – он ведь был общественным деятелем, верно?

О да! Так же, впрочем, как и его брат Даниэль Гросс – в тридцатые годы сенатор Польской социалистической партии, а кроме того – многолетний председатель Больничной кассы³ и бургомистр города Бяла. Немцы убили его в Освенциме в 1942 году.

В Кракове установлена памятная доска в честь Адольфа Гросса – если не ошибаюсь, на улице Колетек, в очень красивом месте, напротив Вавеля, где расположены несколько корпу-

¹ Двухпалатный законодательный орган, парламент австрийской части Австро-Венгерской монархии (1867–1918). *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Польское коло (Koło Polskie – Польский кружок) – группа польских депутатов.

³ Организация для страхования рабочих на случай болезни.

сов основанного дедом рабочего кооператива – Всемирного общества строительства дешевых жилых домов для рабочих. Трое его сыновей, в том числе мой отец, стали юристами.

Твой отец защищал, в частности, Владислава Бартошевского⁴, о чем тот упоминает в своей книге «Интервью-река»: «Это меня поражало и поражает до сих пор – трое судей <...>, стопроцентные, коренные поляки, вынесли мне суровый приговор за якобы шпионскую деятельность, в то время как мужественно защищал меня адвокат Зигмунт Гросс, поляк отнюдь не стопроцентный, а точнее – представитель польской интеллигенции еврейского происхождения».

Отец защищал также членов Польской крестьянской партии на послевоенных процессах, например, Станислава Межву⁵, ранее осужденного во время московского «процесса шестнадцати»⁶.

Отец тебе рассказывал об этих процессах?

Совсем немного. На политических процессах он не специализировался. Просто защищал знакомых, нуждавшихся в помощи. Но как раз с Бартошевским связана одна история, которую отец мне рассказал, – теперь, спустя годы, она кажется забавной, но тогда могла кончиться плохо.

Расскажи.

Бартошевский был знаком с моей матерью еще со времен подполья – она работала в Бюро информации и пропаганды Главного штаба Армии Крайовой⁷. И вот отец приходит к Бартошевскому в тюрьму (напоминаю, речь идет о сталинских временах), в какую-то комнату для допросов, где перед процессом узникам разрешали встречаться с адвокатами. Бартошевский, увидев наконец знакомое и доброжелательное лицо, радостно и громогласно, по своему обыкновению, восклицает: «Как там пани Ханночка?» Отец буквально утратил дар речи. На протяжении всего сталинского периода он оберегал мать от заполнения всяких анкет, в которых пришлось бы сообщить, что она была в АК, и тут вдруг – в прослушиваемом помещении! – Бартошевский выдает такое... К счастью, все обошлось.

После выхода из тюрьмы Бартошевский бывал в доме твоих родителей?

Я не помню его визитов. Бартошевский был знаком с родителями, но я бы не сказал, что они дружили.

Ты знал своих дедушек и бабушек?

Только одну бабушку – мамину маму. Она жила совсем рядом, метрах в ста пятидесяти – двухстах от нас, на другой стороне Маршалковской. Снимала комнату у очень симпатичных людей. Мама каждый день носила ей обед. Я там время от времени бывал. Обычно бабушка давала мне два злотых на мороженое. Мне она запомнилась пожилой, немного чудаковатой

⁴ Владислав Бартошевский (1922–2015) – польский историк, публицист, дипломат, государственный деятель, министр иностранных дел Польши (1995), Праведник мира. В декабре 1949 г. был (повторно) арестован и приговорен к восьми годам тюрьмы по ложному обвинению в шпионаже. В 1954 г. освобожден в связи с болезнью, в 1955 г. реабилитирован.

⁵ Станислав Межва (1905–1985) – адвокат, деятель Польской крестьянской партии. Выступал в качестве защитника во время судебных процессов над участниками крестьянского бунта 1937 г. В 1940 г. вошел в состав подпольного Краковского межпартийного комитета. Был арестован НКВД, вывезен на Лубянку, приговорен к четырем месяцам заключения, освобожден в августе 1945 г., снова арестован в 1947 г. и приговорен к 10 годам заключения. Освобожден в 1953 г.

⁶ Показательный судебный процесс над шестнадцатью высокопоставленными лидерами антисоветского и антикоммунистического польского движения сопротивления, проводившийся советскими властями в Москве 18–21 июня 1945 г. Советская сторона пригласила польских лидеров под предлогом обсуждения их возможного вхождения в состав правительства послевоенной Польши, предоставив им гарантии безопасности, однако в нарушение договоренностей они были арестованы НКВД и доставлены в Москву, где впоследствии большая часть из них были осуждены по обвинению в различных «преступлениях» против Красной армии. В 1990 г. Верховный суд СССР реабилитировал осужденных, прекратив дело за отсутствием состава преступления.

⁷ Подпольная военная организация, действовавшая в 1942–1945 гг. в пределах довоенной территории польского государства, а также в Литве и Венгрии. АК была основной организацией польского сопротивления, боровшегося против немецкой оккупации. АК подчинялась польскому правительству в изгнании и Верховному главнокомандующему Польских вооруженных сил, находившемуся в Великобритании. После войны многие члены АК были репрессированы.

дамой. В ее комнате всегда лежали кипы газет, между которыми приходилось пробираться, словно в лабиринте. После Варшавского восстания обе мои бабушки оказались в лагере Равенсбрюк. Папина мама там погибла. Бабушка Шуманьская выжила.

Это персонаж с интересной историей.

Она происходила из хорошей, так называемой полуторашляхетской семьи⁸, о чем я не стал бы упоминать, если бы не занятное стечение обстоятельств: один из ее, а следовательно, и моих предков – Анджей Выджга – был кастеляном в Визне в первой половине XV века. Визна расположена в двенадцати километрах от Едвабне...

В монографии «Начало заселения Визны и визненских земель в контексте исторических событий в этом регионе Польши» я прочитал, что этот Виджга именовался также «Виганом из Ренкавчина и Острова». Прелесть, правда? Сенкевич чистой воды!

Упоминание имени Сенкевича тут вполне уместно, поскольку большая часть действия романа «Потоп» происходит на Подляшье. Жендзян, например, из Вонсоша! Именно там 5 июля 1941 года польские соседи убили всех евреев еще до того, как пришли немцы, а потом некоторые из этих людей участвовали в уничтожении евреев в Радзилове 7 июля и в Едвабне 10 июля.

При работе над романом Сенкевич пользовался мемуарами еще одного из моих предков, Яна Стефана Выджги, он несколько раз упоминается в «Потопе»: во времена Яна Казимира Ян Стефан Выджга был варминским епископом и секретарем коронным⁹, а немного позже, при Яне Собеском – примасом Польши. Все это позволило мне в разговоре с Тадеушем Слободзянеком пошутить, что, мол, в Едвабне «мои крестьяне поубивали моих евреев» (позже он процитировал эти слова в интервью газете «Газета Выборча», почему я об этом и упоминаю). Что, конечно, исторически неточно – в том числе потому, что погром в Едвабне был осуществлен в основном руками деклассированной провинциальной шляхты – например, Рамотовских или чудовищного семейства Лауданьских.

Давай поговорим о твоих дедушках и бабушках. Как складывались отношения родителей с бабушкой Шуманьской?

Судя по маминым рассказам, с отцом у нее были более близкие отношения, чем с матерью. Хотя он, кажется, тоже был человеком непростым.

Что ты имеешь в виду, говоря «непростой»?

Человек настроения, склонный к меланхолии, кроме того, как это когда-то называли, пасквильянт. Еще студентом, при русских, дед принимал участие в патриотических демонстрациях, получил так называемый «волчий билет», после чего не мог рассчитывать на высшее образование в Царстве Польском¹⁰ и заканчивал юридический факультет в Одессе. Позже он продолжал бодаться с царизмом, даже некоторое время сидел в X павильоне¹¹, да и потом отличался несколько, так сказать, «задиристым» нравом.

Но и моя мать, бывало, делала ему назло. Перед самой войной она обручилась со Станиславом Вертхаймом (замуж мама вышла в декабре 1939 года, то есть уже во время оккупации), и они часто ходили танцевать. В одном из дансингов, кажется, в «Адрии», мама заметила родителя в обществе некой молодой дамы. Вместо того чтобы тактично удалиться, мамочка немедленно подошла, сделала глубокий книксен и, поцеловав отцу руку, приветствовала словами: «Добрый вечер, папочка»...

Вацлав Шуманьский был известным варшавским адвокатом.

⁸ Семьи, близкие к аристократическим кругам, но не вошедшие в них.

⁹ Должностное лицо в Речи Посполитой.

¹⁰ Царство Польское – территория Польши, находившаяся в составе Российской империи по решению Венского конгресса с 1815 по 1915 г.

¹¹ X павильон Варшавской цитадели, где располагалась центральная следственная тюрьма для политзаключенных.

Это правда. Во время Брестского процесса¹² он, например, защищал Юзефа Путека из Польской народной партии «Освобождение»¹³. Это был, пожалуй, самый громкий политический процесс межвоенного периода. А в 1930 году санационный¹⁴ суд арестовал всех левоцентристских парламентариев.

Мой дедушка был членом партии «Освобождение», правда, до поры до времени. Потому что когда он, в свою очередь, защищал еврея, обвинявшегося в том, что тот застрелил крестьянина во время погрома в Пшитыке (в суде дед сказал, в частности, что, хотя в царской России имело место 250 процессов по поводу погромов, ни разу на скамье подсудимых не оказывались рядом жертвы и погромщики), к нему пришел Станислав Кот¹⁵ (будущий посол в СССР при правительстве Сикорского¹⁶) и сказал: «Что ж ты, Вацек, еврея защищаешь в ущерб польскому крестьянину?» С тех пор мой дедушка стал беспартийным.

Но самым серьезным его шагом – выступлением человека, не боящегося власти, – было открытое письмо санационному министру правосудия Витольду Грабовскому в 1937 году. Согласно статье в Польском биографическом словаре, Вацлав Шуманьский «обвинил власти в развале судебной системы» (история повторяется...). Грабовский, следует отметить, во время Брестского процесса выступал в качестве обвинителя, так что, можно сказать, у них с дедом имелись старые счёты.

Мать рассказывала, что когда домработница отправляла на почте заказное письмо вместе с сотней копий всяким министрам и депутатам, это вызвало большое негодование очереди, поскольку она добрый час простояла у окошка, диктуя фамилии адресатов. Моего дедушку потом приговорили к шести месяцам заключения и 1500 злотых штрафа за оскорбление господина министра. Должно быть, он в своем письме здорово уязвил Грабовского, поскольку процесс проходил за закрытыми дверями, а суд, отклонив апелляцию, подчеркнул особую агрессивность обвиняемого, разославшего письмо такому количеству людей, чтобы все узнали, что он думает о Грабовском.

То есть, как ты уже говорил, пасквилят...

Но пасквилят благородный, ведь речь шла не об обычном сутяжничестве, а о праведном бунте. Дед принимал активное участие в разных публичных мероприятиях, и рост антисемитских настроений перед войной явно приводил его в бешенство. Я нашел очень резкое открытое письмо, написанное дедом в знак протеста против введения «гетто скамеек»¹⁷ в Варшавском политехническом институте ректором Юзефом Завадским (кстати, как мне сказала Эльжбета Яницкая¹⁸, этот Завадский – отец Тадеуша Завадзкого, сражавшегося под псевдонимом Зоська

¹² Судебный процесс против руководства центристских и левых партий Польской республики (26 октября 1931 г. – 13 января 1932 г.), ставший одним из крупнейших политических процессов в довоенной Польше. Назван по месту содержания обвиняемых (Брестская крепость).

¹³ Польская крестьянская партия (1915–1931), перешедшая в оппозицию по отношению к Юзефу Пилсудскому.

¹⁴ Санация (от *лат.* *sanatio* – оздоровление) – обиходное наименование политического движения, возникшего в связи с провозглашением Юзефом Пилсудским лозунга «моральной санации» общественной жизни в Польше, выдвинутого в ходе подготовки и во время майского переворота 1926 г. Санация установила авторитарное правление, боролась с коммунизмом, провозглашала тезисы о кризисе демократии, необходимости крепкой власти и ликвидации оппозиционных партий.

¹⁵ Станислав Кот (1885–1975) – польский историк, политик и дипломат. В 1941–1942 гг. – посол Польши в СССР.

¹⁶ Владислав Сикорский (1881–1943) – польский военачальник и политик, премьер-министр правительства Польши в изгнании. 30 июля 1941 г. Сикорский подписал с И. М. Майским, советским послом в Англии, договор с СССР о возобновлении дипломатических отношений и пакт о создании польской армии на Востоке.

¹⁷ Форма официальной сегрегации студентов (студенты-евреи были обязаны сидеть на специальных скамьях), введенная в 1935 г. в Львовском политехническом институте и воспринятая затем ректорами других высших учебных заведений Польши. Это официальная политика насильственного разделения часто сопровождалась актами насилия.

¹⁸ Эльжбета Яницкая (р. 1970) – польский литературовед и фотограф, автор книги «Festung Warschau» (мой перевод фрагмента см.: Вестник Европы. 2015. № 42), посвященной месту памяти о польско-еврейских отношениях в национальной памяти и в варшавской топографии.

в «Серых шеренгах»¹⁹). Оно было опубликовано вместе с несколькими другими текстами в рубрике «Голоса просвещенных поляков» в октябрьском номере издания «Голоса еврейской гмины» за 1937 год.

Обращает на себя внимание риторика этого выступления, она указывает на связь между антисемитизмом и «изменой» важнейшим импондерабиям²⁰ Речи Посполитой. В самом деле, с перспективы нескольких десятилетий, содержанием которых стала, в частности, катастрофа Холокоста, мне остается лишь снять шляпу перед дедушкиной интуицией. Кроме того – уже в чисто семейной перспективе – это письмо разъяснило для меня одну загадку: как случилось, что девочкой моя мама... играла с Пилсудским в «домики».

С Пилсудским?

Что касается этого момента, я тебя еще немного поинтригую, потому что сначала хочу привести текст письма – напоминаю, дед выступал против введения «гетто скамеек» в Варшавском политехническом институте.

Итак, дедушка писал: «<...> хотел бы подчеркнуть, что пан Завадзкий девятнадцать лет назад вместе с нижеподписавшимся и другими лицами входил в правление Союза демократических партий. В помещении этого Союза поздно вечером 10 ноября 1918 года в присутствии нижеподписавшегося и нескольких других членов правления, а также д-ра Завадзкого имела место памятная сцена встречи маршала (в то время бригадного генерала) Юзефа Пилсудского с маршалом (в то время военным министром правительства в Люблине) Рыдз-Смиглы²¹. После военного приветствия маршал Пилсудский в присутствии нескольких человек обратился к маршалу Рыдз-Смиглы с простым заявлением: „У меня имеются проекты, касающиеся завтрашнего дня [11 ноября 1918 г.], однако я не знаю, как к этим проектам отнесется господин военный министр правительства в Люблине“. На что господин маршал Рыдз-Смиглы вытянулся по стойке „смирно“ и заявил голосом сильным и звучным: „Комендант, я твой солдат и навсегда им останусь“. Сразу после этого маршал Пилсудский заявил: „Это значительно упрощает дело“.

Затем маршал Пилсудский с маршалом Рыдз-Смиглы перешли в соседнее помещение (Шпитальная, 1, где сейчас находится „Газета Польска“), тогда принадлежавшее частному лицу – д-ру Бялобжескому. Переговоры с глазу на глаз продолжались несколько часов. Мы все ждали каких-то результатов. Результат этот свелся к заявлению маршала Пилсудского. Вернувшись вместе с маршалом Рыдз-Смиглы, он сказал: „Вопрос временно решен, результаты вы узнаете завтра“.

Назавтра было 11 ноября 1918 г. – исторический день разоружения Германии. Это наше общее воспоминание, пан ректор, – девятнадцатилетней давности. С тех пор я редко Вас видел. То, что я о Вас слышал, всегда делало Вам честь. А вот нынешнее „гетто скамеек“, вне всяких сомнений, обеспечит Вам дурную славу в свободной Польше. Вы с такой легкостью предали знамя демократии и встали под знамя „академических корпоративных интересов“, являюще-

¹⁹ Кодовое название подпольной организации бойскаутов «Союза польских харцеров», действовавшей в 1939–1945 гг., в период немецкой оккупации Польши. Принимали участие в деятельности Польского подпольного государства, в частности в Варшавском восстании. Формально организация была независимой, но тесно сотрудничала с польским правительством в изгнании и с Армией Крайовой.

²⁰ Случайные, не поддающиеся учету и определению факторы (*англ.*).

²¹ Эдвард Рыдз-Смиглы (1886–1941) – польский военачальник и политик, маршал Польши (с 1936 г.), Верховный главнокомандующий польской армии во Второй мировой войне. В ноябре 1918 г. вошел в состав Временного народного правительства Польской республики социалиста Игнация Дашиньского в Люблине в качестве военного министра. 11 ноября 1918 г. Временное правительство передало всю власть Пилсудскому, который стал временным главой государства. После некоторых колебаний Пилсудский, который был недоволен сотрудничеством Рыдз-Смиглы с социалистами (хотя сам Пилсудский, по его собственным словам, «сошел с трамвая социализма на остановке Независимость»), утвердил его в качестве бригадного генерала, но навсегда запретил заниматься политикой.

еся – в сравнении с великим знаменем демократии – не более чем бумажным флажком, которым, не возбуждая снисходительный смех, может забавляться разве что малое дитя.

У меня есть моральное право упрекнуть Вас в предательстве знамени демократии, поскольку под этим знаменем я сражаюсь неизменно на протяжении 35 лет – с университетской скамьи, на которой Вы теперь решили произвести селекцию, а тем самым „способствовали возбуждению среди культурных народов Запада оскорбительного для Польши подозрения, будто она более не принадлежит к их числу“, как это верно отмечает в своем письме коллега Рогович.

Стыдно, господин Ректор, б<ывший> „демократ“.

Вацлав Шуманьский».

Неплохо, верно ведь? А какая риторика! Взять хотя бы эту фразу: зная академических корпоративных интересов как «бумажный флажок, которым, не возбуждая снисходительный смех, может забавляться разве что малое дитя». Это можно было бы адресовать министру Мариушу Блашаку²², который с восторгом отзывался о Марше независимости под флагами ONR²³. Такие у нас сегодня государственные деятели и такое празднование 11 ноября²⁴.

И еще: «Вы способствовали возбуждению среди культурных народов Запада оскорбительного для Польши подозрения, будто она более не принадлежит к их числу».

Как видно, сегодняшние успехи партии «Право и Справедливость»²⁵ в этой области имеют очень конкретный прецедент в эндековской²⁶ системе ценностей тридцатых годов.

Ну хорошо, а что с «домиками», в которые играла твоя мама с маршалом Пилсудским?

Благодаря этому тексту я понял, что девочкой моя мама ходила в Бельведер²⁷, где Ванда Пилсудская, дочь маршала, давала ей уроки, и играла с Пилсудским в популярную дворовую игру «домики». Просто их отцы были знакомы, вот и всё.

Дедушка погиб в Освенциме.

Во время войны Шуманьский дважды попадал в Освенцим. В первый раз у него был маленький номер, и ему удалось выйти, что в начальный период существования лагеря было явлением нередким. Во второй раз ему не повезло – ареста, пожалуй, можно было избежать. Мать рассказывала, что накануне он навещал знакомых под Варшавой и бегом догнал отъезжавший поезд. Если бы отец не успел и остался на ночь за городом, то, узнав, что за ним при-

²² Мариуш Блашак (р. 1969) – министр внутренних дел и администрации Польши, затем министр национальной обороны Польши.

²³ «Национально-радикальный лагерь» (польск. Obóz Narodowo-Radykalny, ONR) – экстремистская националистическая польская организация, возникшая в 1934 г. Поскольку ONR активно прибегал к политическому насилию (включая антисемитские погромы и нападения на демонстрации левых сил), он был запрещен спустя три месяца существования и впредь находился на нелегальном положении. В 1993 г. в Польше была образована одноименная неонацистская организация.

²⁴ Национальный праздник независимости Польши.

²⁵ «Право и Справедливость» (польск. «Prawo i Sprawiedliwość», PiS) – находящаяся в настоящее время у власти политическая партия Польши национал-консервативной идеологической ориентации с элементами клерикализма, проводящая политику нелиберальной демократии, ограничения ряда свобод, притязания на независимость судебной власти и пр.

²⁶ Национально-демократическая партия (польск. Narodowa Demokracja, или endecja – эндеция) – польская правая националистическая партия (1897–1947). В независимой Польской республике была создана новая партия – «Национально-демократический союз», которая вошла в правительственную коалицию. Партия вела борьбу с революционным движением, поддерживала союз с западными державами против Советской России, выступала за полонизацию национальных меньшинств Польши. В 1928 г. партия была переименована в «Национальную партию». В это время партия активно прибегала к шовинистическим требованиям полонизации национальных меньшинств и антисемитским акциям. После майского переворота 1926 г., когда власть в Польше захватил Юзеф Пилсудский, от партии отделилась ультраправая оппозиционная организация «Лагерь Великой Польши», а после ее роспуска – «Национально-радикальный лагерь». После Второй мировой войны и установления социалистической власти в Польше партия прекратила свое существование, политическую деятельность продолжали только отдельные группы в эмиграции.

²⁷ После восстановления независимости Польши в 1918 г. Бельведерский дворец (Бельведер) стал резиденцией главы государства Юзефа Пилсудского, который умер там в 1935 г.

ходило гестапо, вероятно, уже не стал бы возвращаться домой, а где-нибудь укрылся. А так он попался и был расстрелян в лагере в октябре 1943 года. Ему было 59 лет.

Я прочитала, что в Освенциме твой дед считался правой рукой Станислава Дюбуа²⁸, а тот, в свою очередь, сотрудничал с ротмистром Витольдом Пилецким²⁹. Они составляли рапорты о происходившем в лагере и переправляли их на Запад.

Я знаю, что он был в лагерном подполье, но, к своему стыду, больше ничего не знаю – никаких подробностей. Впрочем, думаю, мать тоже мало знала о том, что там творилось. «Люди, – говорила она и, разумеется, была права, – слишком мало разговаривают со своими родителями».

Оба мужа твоей мамы были евреями. Как на это реагировали ее родители – дедушка и бабушка Шуманьские?

Для деда это, похоже, не имело значения. В конце концов, он ведь «защищал еврея в ущерб польскому крестьянину»... Не знаю, как складывались отношения бабушки с первым зятем. А вот с моим отцом они были напряженными, ощущалась взаимная неприязнь. У бабушки была такса, с которой она приходила к нам в гости, отец эту собачонку не выносил. Спустя много лет мать сказала мне, что в неприязни бабушки чувствовалось неприятие представительницей доброго помещичьего рода мезальянса дочери, которая вышла замуж за еврея, – а значит, там, возможно, имелся и привкус антисемитизма или, во всяком случае, какой-то классовой дури.

Матери, должно быть, пришлось непросто.

Если говорить о национальности обоих мужей моей матери, ситуация была нетипичной. Мой отец и его младший брат Феликс состояли в PPS³⁰, они были активными участниками политической жизни в Польше. Первый муж моей матери, погибший в Павяке³¹, происходил, в свою очередь, из полностью ассимилированной семьи. Станислав Вертхайм был даже, кажется, крещен и уж точно не был обрезан, что для представителей его поколения редкость. Я говорю об этом потому, что когда его вместе с братом, Брониславом Вертхаймом, арестовало гестапо, на гибель их обрекли отнюдь не снятые штаны.

Говорят, их выдал сосед за бутылку водки...

...или сторож, неважно. Во всяком случае, то, что они не были обрезаны, позволяло моей матери, а также жене брата, Ханке Колодзейской, надеяться вызволить мужей. «Вытаскивали» их (как тогда говорили) из Павяка через членов подполья. Оба брата участвовали в подпольной деятельности, поэтому можно было рассчитывать на любую сумму, необходимую для того, чтобы заплатить взятку. Именно таким образом в свое время удалось спасти их тетку. Однако в случае «мальчиков», как называла их моя мать, все старания оказались тщетны. Жены неделями ждали у телефона известий о казни. Охранник в Павяке, член АК, проверял, были ли среди расстрелянных евреев необрезанные мужчины.

Эту историю рассказывает в своих дневниках Зофья Налковская³². Ты не знаешь, каким образом она об этом узнала?

²⁸ Станислав Дюбуа (1901–1942) – польский политический деятель, журналист. За антифашистскую пропаганду в концлагере Освенцим приговорен к смерти и казнен.

²⁹ Витольд Пилецкий (1901–1948) – ротмистр Войска Польского, деятель польского подполья, организатор движения сопротивления в концентрационном лагере Освенцим. В ПНР был приговорен к смертной казни по обвинению в шпионаже, приговор приведен в исполнение.

³⁰ Польская социалистическая партия (польск. Polska Partia Socjalistyczna, PPS) – польская партия, существовавшая в 1892–1948 гг.

³¹ Павяк – название не существующей в настоящее время варшавской тюрьмы. Во время немецкой оккупации Павяк был главным тюремным центром Генерал-губернаторства. Там держали жертв облав, членов движения сопротивления и политических заключенных. При отступлении немецких войск из Варшавы в 1944 г. Павяк был почти полностью разрушен.

³² Зофья Налковская (1884–1954) – писательница, журналистка, публицист и драматург, одна из наиболее крупных фигур межвоенной и послевоенной польской литературной жизни.

Мать попала в литературную среду перед самой войной. Она немного дружила с Зузанной Гинчанкой³³. Во время оккупации мама и Гинчанка были посредниками между писателями и Збигневом Митцнером, который от имени Делегатуры правительства Речи Посполитой³⁴ покупал литературные произведения для будущих публикаций, чтобы помочь авторам выжить. Моя мама раздавала им деньги и, таким образом, вероятно, однажды она познакомилась с Налковской.

В «Дневниках военного времени» в записи от 8 декабря 1943 года Налковская упоминает «маленькую Ханю Шуманьскую, которая, неестественно хихикая, говорит о смерти своего мужа: „Нет, это безумие, это просто ерунда какая-то. <...> Я все время думаю, что это неправда“».

Да, я прекрасно представляю, как мама это говорила. Она очень любила своего первого мужа. Всегда носила на пальце подаренное им кольцо, даже когда была замужем за моим отцом.

Она писала о Станиславе Вертхайме стихи. Ты их читал?

Да, конечно, они есть у меня в машинописи; часть, впрочем, была опубликована после войны в журнале «Твурчосць» («Творчество»), а спустя много лет – в журнале «Зешиты Литерацке»³⁵.

Нет любви – и горя тоже,
водку пьем, глотаем дым.
Уступать себя негоже
злу и мыслям роковым.
На руке колечко тлеет,
словно золотая нить.
Но колечко уцелеет,
а руке придется сгнить³⁶.

Французскому тебя научила мама, переводчица?

Нет, у меня была учительница. Потрясающая. Мы называли ее «Мадам Добровольская». На первом уроке она заявила: «Я не понимаю по-польски». А поскольку я был так называемым «хорошо воспитанным ребенком», приученным, что если к нему обращается взрослый человек, следует вежливо ответить, выхода не было – пришлось как можно быстрее научиться говорить по-французски. Я начал учить этот язык еще до школы.

Как познакомились твои родители?

Отец пережил начало оккупации во Львове. Когда немцы вошли в город, он через Тарнов пробрался в Варшаву. Это был, наверное, конец 1941 года или начало 1942-го. У него имелись связи в ППС, имелись знакомые, имелись отличные арийские документы, но внешность такая, что на улице показываться было опасно – моментально раздавался возглас: «Еврей, еврей!»

Он скрывался на Жолибоже, который был в этом смысле особым районом. Там во многих домах прятали евреев. Отец оказался в квартире, где жила тетка первого мужа моей матери. Та, которую за взятку «вытащили» из Павяка. Мать ее навещала, приносила какие-то вещи, прежде всего подпольные газеты, чтобы та не скучала. Так она познакомилась с моим отцом. В этой квартире или где-то поблизости скрывалась также мать моего отца, которая потом погибла

³³ Зузанна Гинчанка (1917–1944) – польская поэтесса и переводчица.

³⁴ Делегатура правительства Речи Посполитой (образована в сентябре 1939 г.) служила связующим звеном между Польским подпольным государством и Правительством Польши в изгнании и представляла собой структуру, подразделявшуюся на департаменты, соответствовавшие министерствам.

³⁵ *Польск*. «Zeszyty Literackie» («Литературные тетради») – важнейший литературно-художественный журнал польской эмиграции (1982–2018), с 1990 г. издается в Польше.

³⁶ Перевод Игоря Белова.

в лагере Равенсбрюк, и Олек Кляйн, ставший мужем младшей из сестер Зигмунта Гросса, – кстати, тоже прекрасный пианист, после войны профессор консерватории в Тель-Авиве. В квартире, где прятался отец, был рояль (к счастью, как он говорил, иначе, сидя в четырех стенах, можно было сойти с ума), и они с Кляйном много играли, поскольку больше заняться было нечем. Должно быть, они играли здорово... Во всяком случае, на мою маму это произвело впечатление – она влюбилась.

Некоторые твои друзья рассказывают, что отец существовал словно бы вне реальности.

Он представлял собой тип такого рассеянного профессора. Даже я помню невинные «ляпы»: то он несколько раз поздоровается с одним человеком, то мужчине руку поцелует. Но во время оккупации эта его рассеянность могла дорого обойтись. У нас сохранилась его кенкарта³⁷ (я отдал ее в экспозицию вашингтонского Музея Холокоста), и, представь себе, он подписался на ней собственными именем и фамилией – Зигмунт Гросс. Правда, не на самом виду, под фотографией – там ясно значилось «Владислав Завистовский», а в другом месте, там, где продлевали срок действия документа. Впрочем, этого никто не заметил, пока кенкарта, спустя несколько десятилетий, не попала ко мне в руки.

Неплохая история, свидетельствующая о том, что он был человеком удачливым.

Отец пережил войну.

Во время восстания родители были в Варшаве?

Да, они покинули столицу лишь после капитуляции, вместе со всем населением. Во время исхода в Прушков³⁸ кто-то из власовцев пытался вытащить мать из колонны. Отец, знавший немецкий, подошел к немецкому офицеру и попросил помочь. Вдвоем они вырвали мать из лап насильников. Такую историю нарочно не придумаешь. Еврей, вызволяющий польку из рук русских при помощи немца.

Отцу пришлось и дальше скрываться?

А как же! Оказавшись в Прушкове, родители очень боялись, что немцы узнают правду – средиземноморская внешность, к тому же обрезан. К счастью, оказалось, что в санитарном пункте работает Эрик Липиньский из газеты «Шпильки», мать знала его еще с довоенных времен. Он написал, что у отца тиф, а мать переодел санитаркой. Так им удалось выйти из лагеря. Мать увезла его в имение своей тетки в Околовице близ Ченстоховы. Она полагала, что в деревне никому не придет в голову, что барышня может жениться с евреем. И действительно, там они прожили до конца войны.

Когда они поженились?

Через некоторое время после войны, во всяком случае уже после моего рождения. Первая жена отца, скрывавшаяся в другом месте, после войны покончила с собой. Ее звали Ядвига Шлезингер; я знаю, что она участвовала в соревнованиях по плаванию.

У них не было детей?

Нет. У меня есть ее фотография, это очень красивая женщина. Сохранилось и свидетельство о браке, потому что архив моего дедушки, Адольфа Гросса, уцелел. В его краковской конторе, а точнее, в подвале дома на улице Святой Анны, где его закопали.

Свадьбу сыграли в Варшаве?

Да.

У твоих родителей была большая разница в возрасте, это чувствовалось?

Отец очень любил мать и до конца своих дней ею восхищался. Они каждый день ходили на прогулку в Лазенки и много разговаривали. Кроме того, отец сознательно оберегал ее. В

³⁷ Кенкарта (дословно – распознавательная карта, от нем. Kennkarte, польск. Kenkarta или Karta Rozpoznawcza) – основной документ, удостоверяющий личность во времена Третьего рейха.

³⁸ После поражения Варшавского восстания уцелевшие жители Варшавы были депортированы из города, большинство в лагерь в Прушкове и Урсусе.

сталинский период матери, участнице АКовского подполья, угрожала опасность. Отец старался оградить ее от заполнения анкет, хождения по инстанциям – может, поэтому она сидела дома и переводила?

После войны мама хотела продолжить образование (она интересовалась историей искусств). Среди семейных баек – история о том, как на выставке пейзажистов, будучи студенткой, она отреагировала на реплику будущего известного критика Романа Зиманда, выразившего удивление, что на полотнах почти нет людей. «А сколько нужно человек, чтобы картина считалась соцреалистическим пейзажем?» – парировала мама. Зиманду эта сцена запомнилась настолько, что и спустя годы он взволнованно говорил мне: «Ваша матушка была весьма остра на язык». Честно говоря, он не единственный, кто убедился в этом на собственной шкуре.

Мама закончила образование?

Нет.

Она не хотела иметь еще детей?

Мама еще раз забеременела, кажется, в 1956 году, но не смогла сохранить беременность. Не знаю, до какой степени тот факт, что ты – единственный ребенок, влияет на представление об идеальной семье, но так случилось с ней, а потом со мной.

В вашем доме существовали какие-то ритуалы?

Главным ритуалом был совместный завтрак. Мать по утрам приходила в себя медленно, и пока она не выпьет два стакана крепкого чая, лучше было к ней не приставать, но потом все успокаивалось, и мы разговаривали обо всем на свете.

Помню одну историю, которая произошла за завтраком, по ней можно судить о мгновенной реакции и чувстве юмора моей матери. То есть это мне кажется, что я помню, на самом деле что-то – а может, и всю историю целиком – наверняка рассказала мне позже мама, но у меня сохранилось воспоминание о возмущении отца и его раздражении, свидетелем которому – один-единственный раз – я стал. Предыстория такова: мать происходила из Варшавы, то есть из Царства Польского, а отец – из Кракова, то есть из Галиции³⁹, и время от времени они подшучивали друг над другом, обыгрывая стереотипы, связанные с той или иной частью разделенной Польши.

Однажды к нам в гости пришла краковская знакомая родителей, Боженка Загурская. Я попросил ее почитать мне книжку. «К сожалению, не могу, дорогой, – спокойно ответила Загурская, – я же не умею читать». Будучи ребенком послушным, я оставил ее в покое, но что-то явно не сходилось, и спустя несколько дней, за завтраком, я спросил родителей, как это может быть, что пани Боженка закончила университет – и не умеет читать. И тут мама с ходу выдала: «А она, мой дорогой, закончила Ягеллонский университет, там требования ниже».

Это был единственный раз, когда отец рассердился на мать – зачем она такие глупости ребенку говорит.

В ваших разговорах возникала тема Холокоста?

О войне у нас дома говорили очень часто. Но о Холокосте – что поразительно – никогда. Более того, эта тема отсутствовала не только в семейных беседах, но и в моих разговорах с друзьями, многие из которых были евреями.

Размышляя об этом сегодня, я не могу понять, как это было возможно: мы столько разговаривали, нас интересовало множество вещей, особенно связанных с политикой и историей, в сущности, нас интересовало все на свете... за исключением Холокоста. Наверное, это имеет какое-то психологическое объяснение, но факт остается фактом – мы считали, что есть более волнующие темы для беседы и это нас не касается.

Или же эта тема оказалась вытеснена.

³⁹ Территория, в период разделов Польши относившаяся к Австро-Венгрии, в отличие от Царства Польского, входившего в состав Российской империи.

Вытеснена, конечно, хотя, знаешь... никто не вычеркивал из семейной памяти историю первого маминого мужа и биографию папиных родственников. Я знал, что он скрывался на протяжении всей оккупации. Знал, что он еврей.

Как-то раз – а я, надо сказать, был ребенком «уличным» – я вернулся домой и начал что-то говорить против евреев. Тогда мама спокойно сказала: «Дорогой мой, евреи – такие же люди, как и все остальные; например, твой папа – еврей». Я принял это к сведению и через некоторое время во время завтрака подошел к сидевшему в кресле отцу, погладил его по голове и сказал: «Ах, папа-папочка, еврей ты мой».

Родители дар речи потеряли. Потому что, с одной стороны, ребенок, разумеется, должен знать, что евреи – такие же люди, как все остальные, но с другой, – смеясь, рассказывала мать много лет спустя, – на подобную реплику следовало бы ответить что-то вроде: «Дорогой, нельзя так разговаривать с папочкой».

Так что еврейские корни, пускай даже совершенно нескрываемые, были чем-то не слишком желанным. По желанию бабушки я был крещен, и отец точно не был против. Чему, учитывая военный опыт, удивляться не приходится – пускай у ребенка на всякий случай будут подходящие документы. Помню несколько разговоров, таких... проблесков воспоминаний, когда папа произносил фразу: «Помни, что ты и Шуманский тоже».

То есть он подчеркивал, что по маме ты не еврей?

Именно. Да. Во всяком случае, я воспринимал это как своего рода дистанцирование по отношению к еврейским корням.

Или прививание себя к польским.

Именно.

Ты сказал, что был крещен. Вы ходили в костел?

Только с домработницей. На площади Спасителя. Это не было окружено тайной. Отец к религии относился как человек эпохи Просвещения. Считал, что это суеверие, но ставил рождественскую елку, и праздники мы отмечали.

И облатка в Сочельник была?

Конечно.

И яичко на Пасху?

С Пасхой, кажется, дело обстояло немного хуже, но бабушка пекла вкуснейший мазурек.

А что касается таинств?

Все ограничилось крестинами.

В школе, когда у других детей было первое причастие, – ты не переживал?

Первые годы я учился в школе Общества друзей детей на Мокотовской, там не было уроков Закона Божьего. Впрочем, и в школе, и во дворе я был задирой, и никто особенно мне не докучал.

Вы играли в войну?

Окопы, перестрелки, баррикады, бои... Несколько раз мне хорошенько разбили камнем голову, пришлось ехать в больницу зашивать. Условия для подобных игр были идеальными: с одной стороны, руины, с другой – стройки.

Ты смотрел «Четыре танкиста и собака»?

Что-то – наверняка, но я уже немного перерос этот фильм. Впрочем, автор сценария сериала, полковник Януш Пшимановский, позже удивительным образом возник в моей жизни. А точнее, женщина, которая спустя много лет после войны стала его женой и которую звали Мария Гулевич, знакомая родителей. Во время войны она была секретарем и курьером Станислава Миколайчика, премьер-министра правительства в изгнании. После войны Миколайчик вернулся в Польшу, но в 1947 году, опасаясь ареста, бежал на Запад (кажется, до сих пор неизвестно, каким образом американцы организовали его побег). Гулевич последовала за ним

по оккупационным тропам, через «зеленую границу», но где-то в Словакии попалась и потом, во время следствия, подвергалась страшным пыткам. Мой отец был ее адвокатом.

Почему я об этом заговорил? Потому что однажды Гулевич чуть не заработала инфаркт: она шла через наш двор, а из соседнего подъезда вышел Адам Хумер, чиновник госбезопасности, который ее в свое время допрашивал, жуткая сволочь. Конечно, тогда я об этом понятия не имел. Хумера я знал как отца Витека – симпатичного мальчика, моего соседа и приятеля. Помню, как однажды во дворе какой-то парень постарше пихнул или ударил Витека – обычный эпизод дворовой жизни, но его отец, очевидно увидевший это в окно, выбежал из подъезда и, развив фантастическую скорость, догнал обидчика. Чуть ухо тому не оторвал. Это естественно, когда отец защищает своего ребенка, но, должен признаться, жестокость сей сцены произвела на меня впечатление. Так что ничего удивительного, если Гулевич, увидев Хумера в нашем дворе, чуть не упала замертво.

Ты сказал, что Пшимановский еще появится на твоем пути.

Когда позже, в гимназии, мы создавали с Адамом Михником Клуб искателей противоречий, Пшимановский пригласил нас к себе – наверное, как раз через Гулевич, тогда уже ставшую его женой. Деталей разговора я не помню, но нам с Адамом показалось, что он словно бы хочет взять нас под свое крыло, а мы к этому совершенно не стремились.

Глава II

Клуб искателей противоречий

«Историю, полную белых пятен, мы воспринимали в категориях детективно-криминальной загадки, которая требовала решения»

Где ты познакомился с Адамом Михником⁴⁰?

Мы познакомились в средней школе, когда я пошел в восьмой класс лицея имени Стефана Батория. Адам уже там учился в девятом классе – он на год старше меня.

Знаешь, вся эта наша среда представляла собой группу молодежи с разницей в один-два года – учеников нескольких варшавских школ. И еще один важный момент, своего рода «ключ доступа», который у многих из нас имелся, – у меня как раз его не было, в отличие от, например, Адама, Олека Перского⁴¹, Севека Блумштайна⁴², Мирека Савицкого⁴³, Марты Петрусевич⁴⁴, Анджея Северина⁴⁵ и, кажется, Кшиштофа Михальского⁴⁶: это были вальтеровцы⁴⁷, скаутская дружина, которую основал и которой руководил Яцек Куронь⁴⁸. Они (или, скорее, те из нас, о ком я говорю) были последней, самой младшей группой, еще успевшей попасть в отряд, – вальтеровцев разогнали в 1961 году, но приятельские и дружеские связи, конечно, сохранились.

Ты не хотел записаться в скаутский отряд?

Нет, я как-то вообще ни в какие организации не стремился, хотя это была классная среда, очень классная. Но не мне рассказывать, кем были вальтеровцы, потому что я был знаком всего с несколькими и тогда, когда все уже, в сущности, закончилось. Я еще успел собственными глазами увидеть этос этой среды в действии – феноменальную преданность общественной работе. Как-то я навещал в летнем лагере Олека, Севека и Мирека, которые были там воспитателями. Руководителем был, кажется, Фелек Куронь, младший брат Яцека.

Слушай, к концу дня, когда дети укладывались спать, эти парни выглядели полумертвыми. Голос сорван, но они еще садились и обсуждали планы на завтрашний день, потом заваливались спать, а утром все сначала – не знаю, каким чудом, но они в том же темпе начинали очередной день. Такого количества энергии, отдаваемой другим людям – ради того, чтобы сделать каникулы этих детей потрясающими, я нигде больше не встречал. Думаю, подобные настроения и подобный драйв были характерны для эпохи первой «Солидарности».

Подожди, до времен «Солидарности» мы еще дойдем. Пока что у нас начало шестидесятых.

⁴⁰ Адам Михник (р. 1946) – польский общественный деятель, диссидент, журналист, один из наиболее активных представителей политической оппозиции 1968–1989 гг. Главный редактор «Газеты Выборчей».

⁴¹ Александр Перский (р. 1947) – польский психолог, один из лидеров студенческих протестов марта 1968 г.

⁴² Северин Блумштайн (р. 1946) – польский журналист, деятель оппозиции.

⁴³ Мирослав Савицкий (1946–2016) – польский педагог и деятель образования, министр национального образования (2004–2005).

⁴⁴ Марта Петрусевич – польский историк.

⁴⁵ Анджей Северин (р. 1946) – польский актер, режиссер.

⁴⁶ Кшиштоф Михальский (1948–2013) – польский философ, переводчик.

⁴⁷ Так (от псевдонима Кароля Сверчевского Вальтер) называли созданную в 1954 г. молодежную организацию.

⁴⁸ Яцек Куронь (1934–2004) – польский политик, один из руководителей оппозиции в период ПНР, историк, активист т. н. Красных скаутов, соучредитель Комитета защиты рабочих, министр труда и социальной политики (1989–1990; 1992–1993).

Вот именно – возвращаясь к нашей среде... Мне немного неловко, потому что это должен сказать кто-то другой, а не человек изнутри, но мы были потрясающей молодежью. Случаются иногда в истории общества такие чудеса. В результате некоего таинственного стечения обстоятельств в одной точке вдруг обнаруживается сгусток талантов.

Может, мудрая природа попыталась компенсировать демографические потери военных лет... Ведь об этом поколении, достигшем зрелости к середине шестидесятых (то есть родившемся сразу после войны), заговорили по всей Европе и в Соединенных Штатах. Не углубляясь в метафизику, это можно просто проследить, глядя на «наши», так сказать, взрослые биографии (боже мой, в 2018 году отмечается пятидесятилетие мартовских событий, полвека – какие же мы старые... ну, чтобы никого не обижать, может, лучше сказать: взрослые).

Когда вы познакомились, еще школьниками, было непонятно, кто кем станет в будущем. Может, решающим фактором оказалась эпоха, в которую вам довелось взрослеть, – период знаковых политических событий?

Наверняка. Они не только повлияли на нас, но и объединили наши биографии. Кто-то остался в Польше, кто-то эмигрировал после 1968 года⁴⁹, кто-то оказался за границей после введения военного положения⁵⁰. Детали личных судеб не имеют значения, важно то, что в обеих моделях биографии – польской или эмигрантской – условия взросления были весьма непростыми.

В Польше все представители этой среды находились под наблюдением госбезопасности, им препятствовали в получении образования, хорошей работы. Многие подолгу сидели в тюрьме – как Адам или наши старшие товарищи, Яцек Куронь и Кароль Модзелевский⁵¹. А тем, кто уехал, пришлось надеяться только на самих себя, всего добиваться самостоятельно, поскольку они оказались выброшены в чужой мир и лишены какого бы то ни было тыла.

И ты только посмотри, как мы всё преодолели: Адам, Яцек, Севек Блумштайн, Хелена Лучиво⁵², Мирек Савицкий или Ясь Литыньский⁵³ – выдающиеся политики и журналисты рубежа веков; Бася Торунчик⁵⁴ создала важнейший культурный институт – журнал «Зешиты Литерацке»; Анджей Северин – великолепный актер и культурный деятель, востребованный в Польше и во Франции; Эва Зажицкая⁵⁵ и Ирена Гросфельд⁵⁶ сделали научную карьеру в области славистики и экономики во Французской академии наук; Влодек Кофман⁵⁷ – астрофизик во Французской академии наук, за свои открытия удостоен ордена Почетной лиги; Влодек Рабинович⁵⁸ – профессор философии в университете в Швеции; Генек Смоляр⁵⁹ – шеф польской редакции Би-би-си, блестящая журналистская карьера в Лондоне; Олек Перский – психолог, известный в Швеции специалист по стрессам, работал в знаменитом стокгольмском

⁴⁹ Политический кризис 1968 г., о котором автор подробно рассказывает в соответствующей главе, сопровождался «закручиванием гаек» и мощной антисемитской кампанией, которые привели к усилению эмиграции евреев из Польши, которую покинуло около 20 тысяч человек.

⁵⁰ Военное положение в Польше (13 декабря 1981 – 22 июля 1983) – период военного правления в ПНР, осуществлявшегося Военным советом национального спасения во главе с генералом Войцехом Ярузельским.

⁵¹ Кароль Модзелевский (1937–2019) – польский политик и историк-медиевист. Деятель оппозиции, один из основателей и ведущих идеологов «Солидарности», автор названия этого всемирно известного профсоюза.

⁵² Хелена Лучиво (р. 1946) – польская журналистка, одна из создательниц газеты «Газета Выборча» и в 1989–2009 гг. – заместитель ее главного редактора, деятель оппозиции.

⁵³ Ян Литыньский (р. 1946) – польский политик, деятель оппозиции; в 2010–2015 гг. – советник президента Польши.

⁵⁴ Барбара Торунчик (р. 1946) – польский публицист, эссеист, историк литературы, издатель, деятель оппозиции, создатель журнала «Зешиты Литерацке».

⁵⁵ Эва Зажицкая-Берар – польский социолог, культуролог, русист.

⁵⁶ Ирена Гросфельд-Смоляр – польский экономист.

⁵⁷ Влодзимеж Кофман – польский астрофизик.

⁵⁸ Влодзимеж Рабинович (р. 1947) – польский философ, член Шведской королевской академии наук.

⁵⁹ Эугениуш Смоляр (р. 1945) – польский журналист, деятель оппозиции.

Каролинском институте; Клаудиуш Вайс⁶⁰ – профессор одной из лучших медицинских академий в Соединенных Штатах; Анджей Рапачиньский⁶¹ – профессор философии, а затем юриспруденции в крупных американских университетах; Марта Петрусевич – профессор истории в США и Италии; у Генека Ковальского⁶² блестящая карьера в области физики в Германии; Ирена Грудзиньская⁶³ – профессор в области компаративистики в Америке. И так далее, и тому подобное... Я говорю сейчас только о самых близких людях. Ведь это цвет польской интеллигенции! И всех их – согласно многовековой польской традиции – разбросало по свету.

В общем, сама видишь – детство и юность у меня были потрясающие. Потому что дружба, встречи и бесконечные разговоры – все это началось у нас очень рано. А кроме того – знаю, что сегодня так говорить не принято, но у меня уже седая голова и считайте это поклоном в сторону нашей юности: девушки все были красавицы (парни, впрочем, тоже – очень даже ничего!). А что может быть более завораживающего, чем сочетание красоты и ума?

Кто был в этой среде лидером?

Адам! Безусловно, наиболее интересной, наиболее творческой и харизматичной личностью среди нас был Адам Михник. Человек, который, помимо массы других достоинств, обладает величайшим даром политика: прежде всего, это умение находить подход к людям и разговаривать с представителями разных поколений и разных взглядов. Причем в его случае это не поверхностный треп, а общение, базирующееся на феноменальной эрудиции. Я не знаю большего эрудита, чем Адам. Он читает всегда. Если только не разговаривает с кем-нибудь, то сидит с книгой. Это человек книги. Я это прочувствовал, так сказать, всем собой.

То есть как?

Преподавая в Принстоне, я несколько раз приглашал его на семестр – мы вместе вели семинары о коммунизме, Восточной Европе, интеллигенции и политике. Это было очень здорово. Но прежде чем встретиться со студентами, мне приходилось встречать его на вокзале. И это было уже не так здорово, потому что приезжал Адам – похоже, он всегда так путешествует – с чемоданами, набитыми книгами.

Безумец! У него под рукой одна из лучших библиотек в мире, где можно моментально заказать любую книгу, какую только пожелаешь, при помощи так называемого interlibrary loan⁶⁴, а он тащит с собой тонны бумаги. Соответственно и мне приходилось тащить это вместе с ним через весь кампус. К тому же – нет справедливости на свете – этот монстр запоминает все прочитанное!

Адам рассказывал мне, что, познакомившись с Чеславом Милошем, он пришел в такое волнение, что три четверти часа читал поэту наизусть его стихи. Представляешь, поэт-эмигрант, чьи книги в Польше не издаются (а следовательно, мучимый сомнениями, знает ли на родине его творчество хоть кто-нибудь, кроме старых знакомых), встречается двадцатилетнего парня, выкидывающего такой номер, – разумеется, он тает и до конца своих дней остается ему предан.

Ты сказал, что Адам Михник обладает талантом политика. В чем он заключается?

Разумеется, не только в интересе к людям и способности с ними разговаривать. Прежде всего, Адам феноменально умен. А если говорить еще более конкретно – Адам с детства обладал великолепной интуицией и, так сказать, способностью подспудно понимать назревавшие общественные процессы. Он всегда оказывался на шаг впереди, и не только по отношению к

⁶⁰ Клаудиуш Вайс – польский врач.

⁶¹ Анджей Рапачиньский (р. 1947) – профессор американского конституционного права в Колумбийском университете.

⁶² Хенрик Ковальский – польский физик.

⁶³ Ирена Грудзиньская-Гросс (р. 1946) – польский историк литературы, эссеист, публицист. Супруга Я. Т. Гросса.

⁶⁴ Межбиблиотечный абонемент (англ.).

нам, когда мы еще учились в школе. Также и потом, на общепольской и даже, не побоюсь этих слов, мировой политической сцене. Ведь идея и практика гражданского общества и бескровной революции, при помощи которых Восточная Европа, и прежде всего Польша, разрушила советскую империю, – все это в значительной степени его замысел.

Книга Адама «Церковь, левые, диалог» – важнейший текст, сформировавший польскую оппозицию еще до создания Комитета защиты рабочих⁶⁵. Адам был инициатором десятков очень важных инициатив, причем не только в Польше. Адам уговорил Вацлава Гавела написать эссе о «силе бессильных», а сам, еще раньше, написал текст огромной значимости на ту же тему – «Новый эволюционизм». Он был первым человеком в Польше, который всерьез воспринял «перестройку». Он со страстью читал все доступные русские газеты и понимал значение реформ Горбачева гораздо лучше самого Горбачева, который вовсе не собирался разрушать СССР. «Ваш президент, наш премьер» – это идея Адама, шедшая вразрез со стратегией его ближайших соратников. Сотни разговоров, которыми он вдохновлял самых разных людей, и масса блестящих эссе, в которых ты всегда обнаружишь две центральные идеи, четко очерчивающие границы политики: гражданская свобода и достоинство личности.

⁶⁵ Комитет защиты рабочих (*польск.* Komitet Obrony Robotników, KOR, 1977–1981) – польская оппозиционная организация, занимавшаяся правозащитной деятельностью в политической и социально-трудовой сферах, прежде всего помощью преследуемым в ПНР забастовщикам и репрессированным деятелям оппозиции. Сыграл важную политическую роль как структура, соединившая интеллигентскую оппозиционность с массовыми рабочими протестами. Многие члены KOR стали ведущими активистами «Солидарности» и крупными политиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.